

Аккульская мечеть в постсоветском Казахстане: музейный артефакт или священное место?¹

Аннотация. Аккульская мечеть, расположенная примерно в 30 километрах от города Семей на северо-востоке Казахстана, была построена между 1905 и 1907 гг. С установлением Советской власти здание мечети было передано под нужды школы и дома культуры и перестало функционировать как мечеть. В 1970-е годы, наряду с процессом вымирания деревни, здание мечети начало ветшать, и на данный момент находится в критической ситуации. Несмотря на процесс обветшания, люди продолжают поклоняться мечети как сакральному объекту. Это позволяет нам переосмыслить роль мечети как места духовного поклонения, проанализировать необычную форму исламской религиозности постсоветского периода и влияние советской власти на ислам в Казахстане.

Ключевые слова: ислам в Казахстане, аккульская мечеть, религиозность в советский и постсоветский периоды, священное пространство, коллективная память, женский религиозный авторитет.

DOI: 10.32523/2616-7255-2020-131-2-36-48

Введение. В северо-восточном Казахстане примерно в 30 км от города Семей в деревне Аккульск, которая состоит всего из нескольких домов, посреди открытой степи возвышается покосившееся и полуразрушенное здание аккульской мечети. И деревня, и мечеть уже давно заброшены. Жители деревни стали покидать ее еще в советский период после упразднения колхоза. В поздний советский период здание мечети полностью обветшало: без крыши, дверей, окон, с накренившимся минаретом оно издает свои последние вздохи. Однако несмотря на мрачную картину, мечеть, расположенную недалеко от шоссе, посещают люди: это или потомки бывших жителей села, или случайные посетители, которые слышали о мистических историях, связанных с этой

мечетью. Люди приходят, чтобы погладить ее деревянные стены и попросить у них благословения. Гульшира Сайдахмет-кызы, считающая себя хранительницей мечети, ведет желающих к ее зданию, а после на кладбище. Кому-то она рассказывает историю мечети, кому-то читает Коран по умершим родственникам. Мечеть стала своего рода символом национального наследия татар Казахстана. Ее судьба в последнее время горячо обсуждалась в татарской общине, а также в среде местных краеведов и региональных чиновников, в числе предложений которых - перенести мечеть в этнографический музей под открытым небом в Усть-Каменогорске.

История аккульской мечети представляет собой чрезвычайно интересный и уникальный

¹Исследование выполнено в рамках проекта «Инвестиционный потенциал сакральной географии Казахстана: спутниковый мониторинг, IT и историко-культурный анализ для создания электронного атласа Республики» при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (2018-2020; No. AP05135824).

путь развития института мечети в постсоветский период. Этот случай позволяет заново подумать о формах религиозности и религиозной культуры постсоветского ислама. Целью данной статьи является анализ данного сакрального объекта через призму истории и через смену его функций в советский и постсоветский периоды. В этой статье я также ставлю целью проанализировать следующие вопросы: в каких формах исламская религиозная практика дошла до нас сквозь перипетии советского времени? Как мечеть трансформировалась в советский период? Как без муллы и в полуразрушенном состоянии она все же может продолжать свое существование? Как объяснить ее существование в форме материальной святыни²? И какую роль в этой новой жизни мечети играет женщина?

В поисках ответов на эти вопросы я поставила следующие задачи: найти информацию об имамах этой мечети в архиве Семей, а также в частных архивах, попытаться понять, как прошлое определяет сакральную ценность мечети в настоящем и какую роль играет хранительница мечети. Для этого я провела серию интервью с хранительницей мечети Гульширой Сайдахмет-кызы Сапариевой и с потомками и родственниками создателя настоящего здания мечети, Муталлапа Фазылбекова. Важным первичным источником для статьи стал сохранившийся семейный архив семьи Фазылбековых, который помог установить некоторые исторические сведения о мечети. Эти материалы позволяют заключить, что в советское время аккульская мечеть претерпела большие изменения, изменила свои функции, но продолжает свое существование в качестве святыни. Всему этому способствует деятельность Гульширы Сайдахмет-кызы, которая взяла на себя роль хранительницы мечети. Для нашего анализа также важно посмотреть на мечеть в контексте

коллективной памяти потомков жителей этой деревни, для которых мечеть является частью сакрального ландшафта их малой родины. Взаимодействие всех этих факторов создало любопытную метаморфозу института мечети в советский период.

Аккульская мечеть расположена в селе Аккульск (ист. название Аккултык), в 30 км от Семей (до 2007 г. - Семипалатинск), и органично вплетается в историю мусульманских религиозных институтов северо-востока казахской степи. История этой мечети связана с судьбой татарского общества в казахской степи. Истоки татарской общины Семипалатинска и его окрестностей восходят ко второй половине XVIII века, времени русской имперской экспансии на восток. Основанный как крепость на Иртышской линии укреплений, Семипалатинск быстро превратился в важный административный, политический и экономический центр. Стратегическое расположение на торговых путях превратило его в один из основных торговых узлов, связывавших Россию с Центральной Азией, Китаем, Монголией и Тибетом [1, с. 7]. С конца XVIII века город привлекал большое количество жителей Центральной Азии (*сартов*), русских, а также различных категорий татар. Среди последних были торговцы и предприниматели, уклонисты от воинской повинности или обременительных налогов, а также просто искатели лучших возможностей в казахской степи [2, с. 13-14]. В то же время вокруг Семипалатинска стали селиться все больше казахов, образовывавших казахские махалли. В первой половине XIX в. Миграция из внутренней части России усилилась и вызвала рост населения города, превративший его в 1854 г. в областной центр [2, с. 17].

Процесс консолидации российского имперского правления на востоке империи нашел свое отражение в росте татарской

²Святыня (shrine), в данном случае имеет конкретное значение материального объекта/здания, характерного для всей Центральной Азии. Оно чаще применительно к суфийским мазарам/аулие, с которым обычно связана фигура умершего святого (saint), похороненного в этом месте, и к которому люди приходят, чтобы просить благословение (барака) в каком-либо деле.

слободы в Семипалатинске и строительстве многочисленных мечетей и медресе. Семипалатинск стал одним из крупнейших и влиятельнейших исламских религиозных и образовательных центров имперской России. В XIX веке число махаллей и мечетей в городе быстро росло, и на своем пике здесь находилось одиннадцать мечетей и девять медресе [1, с. 1]. Как это отражено в биографиях мусульманских религиозных ученых Семипалатинска, например, в «Книге истории города Семипалатинска», написанной ахуном Ахмад-Вали ибн Али аль-Казани (1833-1901), а также в неозаглавленной книге Курбан-Али Халиди [1], мусульманские ученые и суфии города создали хорошо организованную интеллектуальную исламскую сеть, объединявшую религиозных специалистов из Волго-Уральского региона, Центральной Азии и цинского Синьцзяна. Медресе города привлекали студентов и возвращали религиозных ученых для других частей восточного Казахстана.

В процессе роста татарского населения в Семипалатинске татары начали переезжать и в сельскую местность, чтобы заниматься там сельским хозяйством. По словам Бакыт Атантаевой и Раушан Ахметовой, после 1840-х годов в Семипалатинске на территории вокруг него стали переселяться татары, сосланные в зачет рекрутов на восточные окраины России [3, с. 518]. Павел Шаблей упоминает также «беглых татар», которые прибывали сюда как беженцы, вливались в татарскую среду или скрывались от властей в казахской степи. Некоторые из них приобретали статус так называемых шала-казахов, или путем заключения браков с местными казашками, или через акты регистрации российскими чиновниками [2, с. 13, 32]. Статус шала-казахов освобождал их от уплаты подушного налога и от службы в армии. Таким образом, в районе

Семипалатинска образовалось несколько татарских деревень – Башкуль, Аккултык, Караморза, Изятулла, Абсалям, Зубаир, Сары-Ногай, Букер и другие.

Одеревне Аккултык и ее мечети сохранилось мало сведений. История Семипалатинска Ахмада-Вали аль-Казани предоставляет нам обширную и детальную информацию о мечетях и медресе Семипалатинска, но лишь кратко упоминает, что в окрестностях города было три мусульманские деревни: Акколтык, Башкуль и Пукур, и что в этих деревнях были мечети. Можно считать большой удачей, что в семейном архиве семьи Фазылбековых сохранились записи, касающиеся истории деревни. Эти записи были сделаны в 1991 году Закирой Фазылбековой в архиве Облисполкома г. Семипалатинск³. Согласно семейному архиву семьи Фазылбековых, село Аккултык было основано в 1812 году Нигматуллой Сайфуллой-улы Фазылбеком, выходцем из Казанской губернии. Вероятно, что отец Нигматуллы пришел в Семипалатинск еще раньше, во времена Екатерины II. Как и многие другие, он покинул Казанскую губернию, чтобы избежать солдатчины (воинской повинности), и прибыл на так называемые «пустые земли». По данным «Ведомости о мечетях», первое здание аккульской мечети было построено в 1851 году [4, с. 885]. Ведомость показывает, что село Аккултык входило в состав Семипалатинского уезда. Согласно переписи 1897 года, население деревни составляло 258 человек [5, с. 234].

Если один член семьи Фазылбековых основал деревню Аккултык, то другой известен тем, что веком позже построил аккульскую мечеть, которая в полуразрушенном виде сохранилась до наших дней. Мы не знаем точно, что произошло с предыдущим зданием мечети. Возможно, оно погибло в пожаре, что было обычным делом в Семипалатинске XIX века⁴. Строительство нового здания

³В записи она сообщает, что в архиве сохранились две папки, написанные арабской графикой, один посвященный деревне Аккульск, другой – деревне Башкуль. Я очень благодарна, что мне было позволено ими воспользоваться.

⁴Здания нескольких мечетей в Семипалатинске погибли в пожарах и заново перестраивались. См. Раздел книги «Мусульманские мечети и их священнослужители», В.Н.Кашляк «Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее» (2006 г.)

профинансировал татарский купец В.Хамитов, который был членом широкого круга богатых предпринимателей города. Согласно открытым источникам и газетным статьям, а также по сведениям самих членов семьи, Султангали Фазылбек (1847-1912) начал строить мечеть после своего возвращения из хаджа в 1904 или 1905 году⁵. Считается, что строительство мечети было связано с личным религиозным и духовным «возрождением» Султангали, связанным с поездкой в святые места. Однако в записях Закиры даются другие сведения: мечеть в период с 1904 по 1907 годы строил ее отец Муталлап (1874–1937)⁶, будучи поверенным Вали хаджи (вероятно, Мухаммед Вали Хамитова), который и финансировал строительство⁷. Когда мечеть была закончена, последний подарил Муталлапу деревянный стол с шестью стульями в подарок и в благодарность за его работу. Как можно объяснить, что информация в семейном архиве отличается от общераспространенного знания? Думаю, что это связано с личностью хранителя этой мечети Гульширы Сайдахмет-кызы и ее усилиям по сакрализации личности Султангали, о чем речь пойдет дальше.

Семейный архив Фазылбековых содержит список имамов, которые служили в аккульской мечети почти до конца советского периода, а именно до 1989 года⁸. Этот список является уникальным свидетельством того, что исламская практика продолжалась на протяжении всего советского режима и что муллы выполняли религиозные обряды даже несмотря на то, что мечеть официально не функционировала. Первыми двумя имамами были некто Камаледдин Мухамедрахим-улы и Джамаледдин Сиражетдин-улы. К сожалению, кроме имен, никакой иной информации в списке не дано. Третий

имам, Фахраз Габдельхади-улы, прибыл из Казани в 1904 году и вернулся обратно в 1912 году. Четвертый имам, Салимжан Ашрафулы, был муллой в период между 1912 и 1925 годами. Он также приехал из Казани и вернулся туда в 1925 году. По информации из сохранившейся ведомости, Салимджан Шарифуллович Файзуллин был имамом этой мечети с 10-го марта 1914 г. и был позже перемещен в Белебеевский кантон. В ведомости об этой мечети указано, что в 1921 году Абдуллатиф Исмагилов Акзигитов был назначен муаззином[4]. Как можно заметить из этой краткой информации, между Волго-Уральским регионом и Семипалатинским уездом (даже сельской его частью) существовала постоянная связь и обмен мусульманскими учеными. Пятый имам – Мухаммад Зариф Галиакбар-улы Мусин - был местным ученым. Он прибыл в Аккултык в 1925 году из села Башкуль и прослужил до 1929 года. В марте 1925 года в Башкуле произошел сильный пожар, из-за которого он покинул Башкуль и отправился в Аккултык. В 1929 году он подвергся раскулачиванию и был приговорен к 5 годам ссылки, а его имущество было конфисковано. Шестым муллой, по данным семейного архива Фазылбековых, был Шакир Вали-улы Галиев. Кроме его имени, сообщается также, что он был местным жителем (*бу аул кешесе*). Скорее всего, это был Шакир Гайфуллаулы Хайбуллин. Родившись в 1874 году, он переехал с родителями в Аккултык, когда был ребенком, а став взрослым, женился на татарке, которая была уроженкой этой села. По словам его внучки Руфии Хайбуллиной, Шакир окончил медресе в Семипалатинске и был очень грамотным в мусульманской традиции. Когда именно он стал выполнять

⁵<https://e-history.kz/ru/news/show/5716/>; https://express-k.kz/news/ekskursiya/vremya_sobirat_kamni_tak_i_ne_nastupilo_dlya_derevyannoy_mecheti_v_sele_akkol-132218; последний просмотр 25.07.2020.

⁶У СултангалиФазылбекова было пятеро детей, среди которых Муталлап был старшим сыном.

⁷Это открытие произошло в моем присутствии, когда СаняАубакировна начала читать вслух записи Закиры. Она была так удивлена, что мечеть на самом деле построил сын Султангали, Муталлап, что даже воскликнула от удивления «О! Даже мы не знали этого! Мы всегда думали, что мечеть строил Султангали!»

⁸Семейный архив Фазылбековых.

функции имама – точно не известно, скорее всего до еще до войны, но есть сведения, что он продолжал служить почти до тех пор, пока в 1967 году не переехал в соседнюю деревню Жыланды⁹. Седьмым и последним имамом в списке идет Рашид Габдулла-улы Фазылбеков, который был муллой в период между 1974 и 1989 гг. По воспоминаниям Руфии, после Рашид-бабая, Хусаин-бабай¹⁰ еще проводил праздничные молитвы (*гает*), а «после него никого не было; он провел последние праздничные молитвы»¹¹.

С укреплением советской власти в восточном Казахстане судьба аккульской мечети, как и многих других мечетей, сильно изменилась. Скорее всего в конце 1920-х годов здание мечети было закрыто, а с минарета был убран серп. Здание мечети в разное время использовалось как школа и дом культуры, где люди смотрели фильмы. Деревня была превращена в советский колхоз, и администрация колхоза обеспечила новую основу для выживания мусульманской общины. Как в своей книге *Allah's Kolkhozes* (2014) показывают С. Дюдуаньон и К. Ноак, исламские институты, практики и дискурсы динамично взаимодействовали с советской системой и с политическими, социально-экономическими и демографическими процессами в локальных советских обществах [6, с. 10]. Действительно, с созданием колхоза имени И. Сталина, мусульманская жизнь общины продолжалась в рамках этого советского института.

В последние годы разные исследователи приходят к заключению, что хотя в целом ислам при советском режиме подвергался репрессиям и ушел в подполье, в некоторых местах он продолжал почти открытое существование [6, 7, 8, 9]. Это могли быть центральные города СССР, как, например, Москва, где мусульманское население

находилось в зоне непосредственного контроля властей [9]. Но речь также идет и о сельской местности, в которой надзор был не столь строг и эффективен. Таким примером может быть деревня Аккульск, где несмотря на закрытие мечети религиозная жизнь продолжалась вокруг местного кладбища. Несмотря на то, что мечеть перестала функционировать как мечеть, Шакир-мулла продолжал проводить чтение Корана (*хэтемуткэру*), похоронные молитвы, праздничные молитвы и другие ритуальные чтения. По словам Руфии Хайбуллиной, религиозная практика в советский период после раскулачивания и коллективизации продолжалась более или менее свободно. Колхоз в Аккульске превратился в совхоз, а Аккульск в результате этого расширения стал частью более крупной хозяйственной единицы. Хотя Аккульск входил в состав большого совхоза, работники совхозного правления в Аккульске не проживали. Она помнит, как в послевоенное время ее дедушку регулярно приглашали на разные маджлисы для чтения Корана (*Коран укыту*) не только в Аккульск, но и в другие татарские деревни Семипалатинской области, в частности в Жыланды, Канонерку и Караморзу. Он также регулярно проводил праздничные молитвы, которые проходили рядом с кладбищем и были массовыми мероприятиями. Много людей приезжало из Семипалатинска и других близлежащих деревень на праздники¹². Такая открытая исламская практика в советский период подтверждает идею о том, что определенная часть исламской жизни не ушла в подполье, не была подавлена полностью, но продолжала иметь место в советских реалиях.

С постепенным распадом колхоза жители села начали переезжать в село через дорогу от Аккульска – Жыланды. Другие уезжали в город. К тому времени аул Жыланды, который

⁹ Интервью с Руфией Хайбуллиной, Жыланды, 16 мая 2019 г., 4 июля 2020 г. Руфия Хайбуллина является внучкой Шакира (дед по отцовской линии). Она родом из Аккульска. Ее мама, Факия Фазылбекова была из семьи Фазылбековых.

¹⁰ Хусаин бабай был неофициальным муллой в деревне Жыланды.

¹¹ Интервью с Руфией Хайбуллиной, Жыланды, 16 мая 2019 г., 4 июля 2020 г.

¹² Интервью с Руфией Хайбуллиной, Жыланды, 16 мая 2019 г., 4 июля 2020 г.

раньше был небольшой деревней, вырос в размерах и даже имел школу-интернат. В Аккульске была только начальная школа, и родители были вынуждены отправлять своих детей на продолжение учебы в Жыланды, а вскоре стали переезжать туда и сами. В 1960-х годах после раздробления колхозного хозяйства мусульманская община деревни также начала сжиматься. В 1970-х годах здесь осталось всего лишь несколько дворов. Случай с Аккульском является выразительной иллюстрацией того, как судьба общины при мечети впадала в зависимость от развития советских учреждений. С исчезающей общиной мечеть начала разрушаться, превратившись в почерневшее здание с опасно накренившимся минаретом. Чем больше оно подвергалось воздействию времени и суровым климатическим условиям, тем больше она становилась похожей на святыню или мавзолей.

По мере обветшания мечеть стала приобретать признаки святыни, и это изменило само отношение к ней со стороны верующих: те, кто приезжали в родную деревню на могилы близких или просто проезжали мимо, стали останавливаться у мечети, чтобы посмотреть на нее и прикоснуться к ее стенам. Традиция поклонения святыне предполагает благоговейное прикосновение к ней и получение через это благословения. Кроме этого, как и у других святынь, у аккульской мечети появился свой хранитель, хотя и женский, а не мужской, как это бывает чаще всего в мусульманской практике. Хранителя, а точнее хранительницу, зовут Гульшира Сайдахмет-кызы Сапариева. Она родилась в татарской семье в 1941 году пятым и последним ребенком. Ее отец, уроженец деревни Букер Семипалатинской области, Сайдахмет Измайлов, ушел на фронт рядовым солдатом, когда Гульшире было две недели, и погиб на войне в 1943 году. Ее мать, Гульсумжамал, была шала-казашкой. Гульшира родилась и всю жизнь прожила в

Аккульске. Она знакома с мечетью с раннего детства. Сначала она училась в начальной школе, которая находилась в здании мечети, позже работала заведующим дома культуры, показывала фильмы и выдавала книги из библиотеки односельчанам. По ее словам, она росла, училась и работала здесь, вышла замуж и родила детей, и теперь она здесь стареет¹³. Однако в последние несколько лет Гульшира взяла на себя роль хранительницы мечети и в этой роли приобрела известность среди людей. Когда потомки умерших уроженцев Аккултыка приходят на кладбище к своим родственникам или случайные посетители приходят посмотреть на мечеть, они обычно стучат в ее дверь, и она отводит их в мечеть и на кладбище, где сама читает Коран для поминовения душ усопших.

Представляет большой исследовательский интерес, как Гульшира создает свой религиозный авторитет и свою легитимность хранителя мечети, как она взаимодействует с мечетью и как «поддерживает» ее существование. Эти вопросы напрямую связаны с более широкой проблематикой роли женщины и женского религиозного авторитета в позднесоветском и постсоветском исламе. Так, на вопрос, как она начала читать Коран и как у нее появилась особая связь с мечетью, Гульшира ответила таким образом:

Я никогда не жила религиозной жизнью. Ни я, ни мой муж не исполняли никаких религиозных обязанностей. Я никогда не читала Коран или намаз. Когда мой сын трагически погиб, я потеряла свой «ес» (буквально, «себя»). Я выходила из дома и бродила из одного места в другое. Я могла выйти за водой, но оказывалась в другом месте. Так, на 40-й день после его смерти, я вышла навестить свою сестру. Это было зимой, и когда я шла, кто-то сильно ударил меня по плечу. Обернувшись, я никого не увидела. Это был не сон. Я очень испугалась, вся вспотела, и вдруг начала произносить какие-то слова, которые тогда не понимала. Это были слова

¹³ Интервью с Гульширой Сапариевой, Аккульск, 17 мая 2018 г. и 16 мая 2019 г. Я хочу выразить большую благодарность Улану Бижожину за помощь в расшифровке этого интервью.

«шахады» и «аттахийяту»¹⁴. Вернувшись домой, я позвонила Хусаин-мулле, рассказала ему о случившемся и спросила, что это было. Хусаин-мулла пошутил, что я буду читать Коран и намаз и стану абыстай. Он спросил меня, откуда я это читала, а я ответила, что не знаю, что ниоткуда, просто вышло само по себе. Эти слова пришли ко мне сами (*мина конды*, буквально – снизошли на меня). Теперь, куда бы я ни пошла, я повторяю эти слова. Через некоторое время я пошла к Зайнаб-апай, рассказала ей эту историю и прочитала ей эти молитвы. Она была удивлена и сказала: «Ой, Аллах, откуда ты все это знаешь, как ты можешь знать то, чему я училась три месяца?» И тогда я осуществила свое намерение (*шунда ниет дастадым, намаз дастадым*)¹⁵.

Хоть Гульшира не раз повторяла, что все ее знания были получены свыше от Аллаха и она не прилагала для этого никаких собственных усилий, она все же признает, что ее знания подкреплены арвахом (духом) ее татарской прабабушки Шамшилбаян. Как упоминалось выше, ее мать родилась в шала-казахской семье: отец был казахом, мать Гульсумжамал-татаркой. Она не была религиозной, но бабушка Гульширы по материнской линии, Гайнельхаят, умела читать некоторые молитвы. Эти знания шли от прабабушки Шамшилбаян, которая была родом из Уфимской губернии. Гульшира вспомнила, как ее бабушка закрывала окна и молилась ночью, когда она была совсем маленькой, как она заставляла ее и других детей произносить за ней арабский алфавит («алип, би, та, са»), а также читать наизусть «кулхуалла»¹⁶ перед сном. Она также вспоминает, что в их доме не было часов и что ее бабушка определяла время для молитвы по солнцу¹⁷.

Свой сильный религиозный дух Гульшира связывает именно со своей прабабушкой Шамшилбаян, которая была настоящим

религиозным авторитетом. Приехав из Уфимской губернии, она преподавала другим женщинам религиозные знания, давая уроки (*сабак бире пйорде*). Она могла читать по арабской графике и учила читать Коран. Гульшира описывает деревню Башкуль, откуда была родом ее мама, как деревню «со многими знающими людьми», утверждая, что «там много мулл» и что ее прабабушка была одной из самых знающих. На вопрос, была ли Шамшилбаян абыстай, она ответила положительно. По словам Гульширы, Шамшилбаян сделала следующее предсказание:

Дочь одной дочери из моих девяти дочерей будет читать Коран (иметь религиозные знания) (*Минем тугыз кызымнын кызынын беркызы эйбэт укыр*). Таким образом, дух моей прабабушки (арвах) передался мне (арвахы мина кучкэн). У нее был очень сильный дух, и я унаследовала это от нее. У Шамшилбаян было девять дочерей и три сына. У меня также есть девять дочерей и три сына. Этот дух защищает меня и дает мне знания. Этот арвах поддерживает меня. Ее арвах общается со мной напрямую¹⁸.

Хотя понятие «арвах» присутствует в татарском исламе, обычно оно отсутствует в традиции передачи религиозных знаний среди татар. Абыстай обычно называли жену муллы, и часто сами абыстай происходили из семей мусульманских ученых. Традиционно в татарском обществе абыстай занимались обучением девочек и передачей религиозного знания женщинам [10]. Хотя Гульшира не называет себя абыстай и признает, что никогда не имела религиозного образования, она косвенно настаивает на своем авторитете через слова других уважаемых людей: «Как сказал Хусаин-бабай, я стала абыстай: я хожу к могилам и читаю там Коран». Гульшира демонстрирует глубокое понимание арвахы,

¹⁴ Молитва «ташахху» читается во время ежедневной молитвы и содержит шахаду.

¹⁵ Интервью с Гульширой Сапариевой, Аккульск, 17 мая 2018 г. и 16 мая 2019 г.

¹⁶ 112я сура Корана.

¹⁷ Интервью с Гульширой Сапариевой, Аккульск, 17 мая 2018 г. и 16 мая 2019 г.

¹⁸ Интервью с Гульширой Сапариевой, Аккульск, 17 мая 2018 г. и 16 мая 2019 г.

его важности в передаче духовного авторитета и основывает свой духовный авторитет на своей наследственной линии по материнской линии. Гульшира не проводит религиозных занятий, но выполняет роль хранительницы мечети. В исламской традиции в казахской степи широко распространен институт хранителя мавзолеев/святыни (шыракшы). Часто это связано с суфийскими святынями и мазарами, и функции шыракшы обычно выполняют мужчины. В этом можно увидеть интересную смесь татарского и казахского ислама. Как и хранители других храмовых комплексов, Гульшира принимает и ведет посетителей к мечети и кладбищу, читает молитвы и аяты из Корана.

Аккульская мечеть не просто стала своеобразной святыней. О ее роли святыни свидетельствуют мистические истории, которые распространяют люди. Согласно одной из них, советские власти несколько раз пытались снести мечеть. Когда кто-то из официальных лиц попытался снять полумесяц на ее минарете, он потерял палец (согласно некоторым версиям, всю руку). Другая история связана с материалом, из которого построена мечеть. Говорят, что мечеть была построена без единого гвоздя, а дерево было из сосны особого качества, пропитанной специальным раствором. Благодаря такой конструкции здание могло выдерживать степные ветры и холода. В советский период житель Аккольска пытался утащить деревянные доски из мечети, а на следующее утро он был найден мертвым (повешенным)¹⁹.

Интересную историю поведал нам глава краеведческого общества «Прииртышь» в Семее – М. Е. Сасанов. Когда несколько лет назад он приехал в деревню, чтобы посетить мечеть, жители Аккульска сразу же посоветовали ему воздержаться от посещения. Когда он спросил почему, ему ответили, что внутри мечети есть призрак женщины в

белых одеждах, который защищает здание. По его словам, это не помешало ему и его группе войти в мечеть и осмотреть ее. Когда он вернулся домой, той же ночью ему приснился сон, в котором он находился внутри мечети, в ее главном зале, где увидел летающую в воздухе пожилую женщину в белой одежде, которая вежливо попросила его не входить более в мечеть, а затем сбила его с ног, стремительно пролетев сквозь него. Когда он приехал в Аккульск еще раз, он не стал входить в мечеть, проявив тем самым, по его словам, уважение к просьбе духа. Он также отметил, что дух мечети борется за здание, давая таким образом знаки, и что, следовательно, не стоит переносить мечеть в Усть-Каменогорск. Сасанов считает, что в глазах людей эта мечеть является настоящим святым местом²⁰.

Как бы в ответ на эти истории, Гульшира создает свои собственные, тем самым углубляя свой авторитет, а с ним и значимость мечети. Поскольку, как это бывает с суфийскими мавзолееями и мазарами, в истории мечети Аккульска никогда не было связанной с ней фигуры святого (аулия), Гульшира создала историю о строителе мечети как историю о святом. Хотя записи Закиры говорят, что мечеть построил Муталлап Фазылбеков, Гульшира считает главным подвижником и святым Султангали Фазылбекова. Она рассказывает о нем так:

Султангали-хаджи вернулся из хаджа и построил мечеть. Он отправился в хадж, когда ему было 15 лет и вернулся, когда ему было около 35-45. Семь лет он сушил древесину для мечети и только через семь лет начал ее строить. Он построил мечеть из местного карагая на свои деньги, а затем несколько лет спустя умер в возрасте 63 лет. Он никогда не был женат. Построив мечеть, сам и стал ее первым имамом. Минарет был выстроен так идеально что, когда приехали специалисты и измерили деревянные доски минарета,

¹⁹ «Кораблик на мели высушенного моря», АРНА, от 18.07.2013.

²⁰ Интервью с Маратом Еркимбековичем Сасановым, 16 мая 2018 г.

не было даже миллиметра погрешности, а направление точно соответствовало Каабе²¹.

Как видно из этого описания, Гульшира, безусловно, делает Султангали центральной фигурой в строительстве мечети. Детали о его жизни и строительстве мечети (что он провел в Аравии большую часть своей жизни, никогда не был женат, семь лет готовил древесину, строил мечеть сам и умер в 63 года²², как пророк Мухаммед и т.д.) изображают Султангали святой фигурой. Это также видно по тому, как Гульшира описывает дом, в котором она живет: «Султангали жил в этом доме, в котором сейчас живу я. Это дом Султангали. Вот почему я не могу покинуть дом. Я не могу уехать отсюда». На вопрос, когда был построен этот дом, она ответила так: «В 1909 году на этом месте был дом Султангали, а позже Марват-атамыз перенес его в Актас, где он сторел. Нынешний дом был построен в 1959 году на месте дома Султангали. Мы первыми построили дом на этом пустыре». И здесь Гульшира связывает свои духовные силы с фигурой Султангали и с домом, чтобы подчеркнуть свой авторитет и легитимность путем сакрализации этой фигуры и окружающего ландшафта:

Мои дочери упрекают меня в том, что я не переезжаю жить к ним. Они говорят, что я могу жить с ними в лучших условиях. Но я не хочу. Я не могу. Это место не отпускает меня. У меня очень сильный «ес», и это не позволяет мне уйти. Он в моем теле и всегда сопровождает меня. И он связан с Султангали²³.

Когда я попросила Гульширу прокомментировать истории о мечети, которые рассказывают другие люди, она выразила скептическое к ним отношение или представила свои собственные версии. Например, она ничего не слышала о человеке, который хотел использовать доски из мечети в качестве дров. Вместо этого она рассказала,

что еще с детства помнит человека, который поднялся на минарет, утверждая, что в этом нет ничего страшного. Его буквально сдуло ветром, он упал на землю и больше уже никогда не подходил к мечети. Отвергла они и историю о женском призраке:

Нет, нет, никого здесь нет. Многие люди приходят в мечеть, заходят, трогают, гладят ее. Когда я прихожу, то обычно читаю «аяталь-курси»²⁴. Ни ветра, ни дожди не могут причинить ей вред. Но она издает звуки, вроде такого: «Ууууу». Поскольку вокруг нет зданий, при сильном ветре она издает жалобный звук. Если я слышу такой звук, значит, пришло время закрыть дверь. Мечеть предупреждает меня, что будет сильный ветер и дождь. Ветра здесь настолько сильны, что могут сносить столбы. Но мечеть выдерживает²⁵.

Как можно заметить, Гульшира приписывает священного мечети человеческие качества. Она находится напротив дома Гульширы, и дом как бы является частью сакрального ландшафта вместе с мечетью и кладбищем. Как говорит сама хранительница: «Мы всегда вместе. Я смотрю на нее (мечеть), а она смотрит на меня». По словам Руфии, Гульшира молится за мечеть. Она боится, что здание может рухнуть в любое время, но надеется, что она выдержит ветра и холода. Ее обеспокоенность разделяет и семья Фазылбековых, которая также переживает, что здание может разрушиться. Для них мечеть имеет большое значение, как и история их семьи и некогда живой мусульманской общины Аккульска. Они поддерживают тесный контакт с Гульширой, как с важным человеком, который «следит» за мечетью. Более того, она является человеком, который поддерживает это сакральное пространство как вместилище коллективной памяти.

В своей недавней работе Паоло Сартори показал, что суфийские святые

²¹ Интервью с Гульширой Сапариевой, Аккульск, 17 мая 2018 г. и 16 мая 2019 г.

²² В записях Закиры написано, что он умер в 65 лет (1847-1912).

²³ Интервью с Гульширой Сапариевой, Аккульск, 17 мая 2018 г. и 16 мая 2019 г.

²⁴ «Аят аль-курси» является 255 аятом суры аль-Бакара.

²⁵ Интервью с Гульширой Сапариевой, Аккульск, 17 мая 2018 г. и 16 мая 2019 г.

«представляли для Центральной Азии коллективное “пространство памяти”, то есть место, в котором прошлое было мобилизовано в настоящем посредством нарратива». Он подчеркивает, что «мусульмане смогли получить доступ к прошлому, благодаря сохранившемуся архитектурному присутствию ислама. Монументальные объекты приобретали смысл через интерпретирующую структуру. И эта структура была представлена суфийскими преданиями, то есть рассказами о святых и их чудесах» [7, с. 21]. Аккульская мечеть сохраняет свое значение как пространство коллективной памяти некогда процветавшей мусульманской деревни. По этой причине потомки бывших жителей Аккульска, которые сейчас живут в близлежащих деревнях, а также в Семее и Нур-Султане, считают эту мечеть важным символом прошлого своей общины. Действительно, когда сюда приезжают люди, то благодаря архитектурному присутствию мечети, чтению Корана и историям Гульширы они как бы воссоединяются с прошлым. Гульшира играет в этом воссоединении важную роль, сохраняя это пространство коллективной памяти живым.

Живучесть этой памяти и роль мечети как центральной объединяющей силы стала особенно заметной в дебатах о ее переносе в Восточно-Казахстанский историко-краеведческий музей-заповедник Усть-Каменогорска, который недавно заменил Семей в качестве административного центра Восточно-Казахстанской области. Руководитель музея Н. А. Зайцев предложил разобрать аккульскую мечеть, перенести ее на территорию учреждения, воссоздать и отреставрировать ее, чтобы люди могли приходить и видеть этот исторический памятник. Идея заключалась в том, что мечеть уже находится в таком состоянии,

которое очень скоро может привести к ее полному обрушению. Если здание будет перенесено в Усть-Каменогорск, тогда появится возможность отреставрировать ее, сохранив культурное наследие одной из этнических общин северо-восточного Казахстана²⁶. Местные краеведы также бьют тревогу и говорят о необходимости срочной реставрации. Марат Сасанов, глава краеведческого общества «Прииртышье», предполагает, что аккульская мечеть по сути существует только как исторический памятник, и этот памятник разрушается. Он также согласен, что если речь идет о восстановлении памятника, то лучше перенести его туда, где это возможно²⁷. Другой известный этнограф-любитель г. Семей М. И. Ситуда также считает, что аккульскую мечеть нужно срочно спасать, и в данных обстоятельствах лучше всего было бы перенести мечеть в Усть-Каменогорск и воссоздать историческую модель. Кроме того, он подчеркнул, что «возможно, лучше было бы оставить его на своем месте, но для кого? В селе Аккульск проживает всего несколько жителей. Там нет никого, кто мог бы сохранить мечеть. Там нет людей, нет прихода»²⁸.

В то время, как для краеведов эта мечеть является ценным историческим памятником, который нужно сохранить как наследие татарской диаспоры, для татарского общества она имеет еще более существенное значение. Есть большая и, возможно, не очень заметная община татар, которая проживает в деревнях, в Семее и других городах, члены которой являются потомками тех людей, которые когда-то жили в Аккульске. Для этих людей мечеть, кладбище и весь культурный ландшафт в целом представляют собой сакральное место, которое они регулярно посещают. Например, Ахунжанов Габдельхак Габдулович, который живет в Семее и является директором татарской школы искусств, объясняет, что «[м]ечеть связана

²⁶https://express-k.kz/news/ekskursiya/vremya_sobirat_kamni_tak_i_ne_nastupilo_dlya_derevyannoy_mecheti_v_sele_akkol-132218; Интервью с Михаилом Ибрагимовичем Ситуда, Семей, 16 мая 2018 г.

²⁷ Интервью с М. Сасановым, Семей, 16 мая 2018 г.

²⁸ Интервью с М.И. Ситуда, Семей, 16 мая 2018 г.

с этой землей, а земля — это моя родная деревня. Мой отец вырос в этой деревне. Я приезжал сюда, когда был маленьким мальчиком»²⁹. Руфия, теперь жительница Жыланды, выражает похожие мысли:

Для меня мечеть это все. Я посещаю ее довольно часто. Не могу удержаться, чтобы не дотронуться до своей деревянной доски. Это мое детство. Я молюсь за то, чтобы она выстояла. Для моей души так приятно видеть мечеть и молиться около нее. Если считать потомков, то их очень много - татар, казахов - которые живут в других селах, в Семее и даже в Астане. Я уверена, что многие люди приходят к ней и просят что-то, особенно те, кто являются потомками»³⁰.

Многие из этих потомков приходят к Гульшире как к хранителю мечети. Сама Гульшира видит себя связующим звеном между людьми прошлого и их потомками. Она является не только хранителем мечети, но и человеком, который через чтение сур связывает живых родственников с умершими.

Заключение. Пример аккульской мечети демонстрирует одну из форм существования исламского культового зодчества в постсоветский период. Этот показательный случай говорит об устойчивости ислама, представленного в форме объекта материальной культуры, тесно

переплетенного с мистическим нарративом. Исламская материальная культура тесно связывается и с религиозным авторитетом женщины и продолжает существовать в пространстве коллективной памяти. В данной статье предпринята попытка показать, что фактически аккульская мечеть представляет собой случай трансформации одного религиозного объекта в типологически другой, т. е. превращения мечети в святыню, где мужской авторитет и культура уступают место религиозному авторитету женщины. Такого рода метаморфоза является частью советского наследия центрально-азиатского ислама.

Хотя здание аккульской мечети не действовало как мечеть и постепенно разрушалось в советское время, оно действовало как хранитель исламской традиции и дискурса в том или ином виде. До конца советского периода мы видим, что не только в представлениях людей, но и на практике существовали муллы этой мечети. Религиозные обряды продолжались, хоть и не внутри этой мечети, но вблизи ее. И сейчас, даже когда ничего не осталось в этом пространстве, это здание продолжает служить как сакральное пространство и хранитель исламской души в этом пустом пространстве.

Список литературы

1. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad Walī al-Qazānī and Qurbān 'AlīKhālidī, ed. by Allen J. Frank and Mirkasyim Usmanov. -Anor Central Asian Studies, 2001. - 97 с.
2. Шаблей П.С. Очерки по истории мусульманских общин Семипалатинска (конец XVIII – XIX вв.). -Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2013. - 76 с.
3. Атаптаева Б.Ж., Ахметова Р.Д. Татары Семипалатинского Прииртышья в историческом и культурном аспекте (XIX – нач. XX вв.)// Мир Большого Алтая. -2018. -Т. 4(4). - 24 с.
4. Ведомость приходов и духовных лиц. ЦГИА РБ Ф. 295. Оп. 2. Д. 8. - С. 885.
5. Масанов Н. Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культура. -Алматы: Дайк-Пресс, 2000. - 608 с.
6. Stephan Dudoignon and Christian Noack, Allah's Kolkhozes: Mirration, De-Stalinization, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s-2000s). -Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2014. - 542 с.

²⁹ Интервью с Габделхаком Габдулловичем Ахунжановым.

³⁰ Интервью с РуфиейХайбуллиной, Жыланды, 16 мая 2019 г., 4 июля 2020г.

7. Paolo Sartori Of Saints, Shrines, and Tractors: Untangling the Meaning of Islam in Soviet Central Asia// Journal of Islamic Studies. -2019. - Т. 30, № 3. – С. 367-405.
8. ErenTasar Islamically Informed Soviet Patriotism in Postwar Kyrgyzstan, Cahiers du Monde russe, 52/2-3, Avril-septembre 2011; Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943-1991. -Oxford University Press, 2017. - 433 с.
9. Зарипов И., СафаровМ. Ахметзян Мустафин: из истории Ислама в СССР. -Москва: Медина, 2017. - 404 с.
10. GaripovaR. Muslim Women’s Religious Authority and Their Role in the Transmission of Islamic Knowledge in Late Imperial Russia//Tatarica (January 2016). No 5, p.12.

References

1. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad Walī al-Qazānī and Qurbān ‘AlīKhālidī, ed. by Allen J. Frank and Mirkasyim Usmanov. (Anor Central Asian Studies, 2001, 97 p.).
2. Shablei, P.S. Ocherkipoistorii musul’ manskikhobshchinSemipalatinska (kon. XVIII- XIX vv.)[Essays on the history of the Muslim communities of Semipalatinsk (late 18th - 19th centuries)]. (Kostanaiskii filial FGBOU VPO «ChelGU»[Kostanay branch of FGBOU VPO «ChelGU], Kostanay, 2013, 76 p.).
3. AtantaevaB.Zh., AkhmetovaR.D. Tatory SemipalatinskogoPriirtysh’ia v istoricheskom I kul’turnomaspekte(XIX – nachale XX vv.)[Tatars of the Semipalatinsk Irtysh region in the historical and cultural aspect (XIX - early XX centuries)], Mir Bol’shogoAltaia [World of Greater Altai], 4(4), 24(2018).
4. Vedomost’ prikhodov I dukhovnykh lits [List of parishes and clergy]. TsGIA RB [Central State Historical Archives of the Republic of Belarus] F. 295. Op. 2. D. 8. С. 885.
5. Masanov N. E., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I. V., Alekseenko A.N., Baratova G.S. Istoriia Kazakhstana: narodyi kul’tura [History of Kazakhstan: peoples and culture]. (Daik-Press, Almaty, 2000, 608 p.).
6. Stephan Dudoignon and Christian Noack, Allah’s Kolkhozes: Mirration, De-Stalinization, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s-2000s). (Klaus Schwarz Verlag, Berlin, 2014, 542 p.).
7. Paolo Sartori Of Saints, Shrines, and Tractors: Untangling the Meaning of Islam in Soviet Central Asia, Journal of Islamic Studies, 30(3), 367-405(2019).
8. ErenTasar Islamically Informed Soviet Patriotism in Postwar Kyrgyzstan, Cahiers du Monde russe, 52/2-3, Avril-septembre 2011; Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943-1991. (Oxford University Press, 2017. 433 p.).
9. Zaripov I., Safarov M. Akhmetzian Mustafin: izistorii Islamav SSSR[Akhmetzyan Mustafin: from the history of Islam in the USSR]. (Medina, Moscow, 2017, 404 p.).
10. Garipova R. Muslim Women’s Religious Authority and Their Role in the Transmission of Islamic Knowledge in Late Imperial Russia, Tatarica, Vol.5. 12 p. (January 2016).

Розалия Гарипова

Назарбаев Университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Посткеңестік Қазақстандағы Аққол мешіті: мұражай жәдігері немесе қасиетті жер ме?

Аңдатпа. Қазақстанның солтүстік-шығысындағы Семей қаласынан 30 шақырымдай жерде орналасқан Аққол мешіті 1905 - 1907 жылдар аралығында салынған. Кеңес өкіметінің жарлығымен мешіт ғимараты мектеп пен мәдениет үйінің қажеттілігіне өтіп, мешіт өз қызметін тоқтатты. 1970 жылдары ауылдың жойылуымен бірге мешіт ғимараты қирай бастады және қазіргі кезде өте қиын жағдайда. Оның қирауына қарамастан, адамдар мешітті қасиетті нысан ретінде санап, табынуды жалғастыруда. Бұл бізге мешіттің рухани ғибадат орны ретіндегі рөлін қайта қарастыруға, посткеңестік кезеңдегі ислам діндарлығының ерекше формасын және кеңестік режимнің Қазақстандағы исламға тигізген әсерін талдауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Қазақстандағы ислам, Аққол мешіті, кеңестік және посткеңестік кезеңдердегі діндарлық, қасиетті кеңестік, ұжымдық жады, әйелдердің діни беделі.

Rozaliya Garipova

Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

The Akkulsk Mosque in the Post-Soviet Kazakhstan: A Museum Artefact or a Sacred Space?

Abstract. The Akkulsk Mosque, located about 30 kilometers from the city of Semey in northeastern Kazakhstan, was built between 1905 and 1907. With the establishment of Soviet power, the building of the mosque was used as a school and a club and ceased to function as a mosque. In the 1970s, as many inhabitants were living in the village, the building of the mosque began to decay and is currently in a critical situation. Despite the decaying process, people continue to worship the mosque as a sacred object. This allows us to rethink the role of the mosque as a place of spiritual worship, to analyze the unusual form of Islamic religiosity in the post-Soviet period as well as the impact of the Soviet regime on Islam in Kazakhstan.

Key words: Islam in Kazakhstan, Akkulsk mosque, Islamic religiosity in the Soviet and post-Soviet period, sacred space, collective memory, female religious authority.

Сведения об авторе:

Гарипова Розалия – доктор наук, ассистент-профессор, Назарбаев Университет, пр. Кабанбай батыра, 53, Нур-Султан, Казахстан.

Rozaliya Garipova – PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Kabanbay-Batyr ave. 53., Nur-Sultan, Kazakhstan.